

**п. Мурино,
Ленинградская обл.**

Спит лес под белой шалью...

Спит лес под белой шалью,
Не разглядеть могучих рук.
И облака разорванной вуалью,
От холода скукожившись, плывут.

Нависли лапы грозных елей
Над хворостинками берёз,
И обнимают их, лелея
Седое кружево волос.

Смущаясь, гуще жмутся ёлки,
Под снегом прячут свой недуг,
Стоят, сутулые, в сторонке,
Зелёный выставив каблук.

И на заснеженной поляне
Искрится сказочный покров –
Вожак тетеревиной стаи
Нырять в серебро ковров.

Синицы хохлятся от ветра
И, жёлтые раздув жабо,
Висят как яблоки на ветках,
Накинув белые манто.

Здесь всё размеренно и тихо,
Всё одинаково бело,
Лишь эхом от совиных криков
Вдруг вздрогнет лес – и вновь немо.

В таких загадочных кафтанах
Стоят деревья и кусты,
Воротников густых овалы
Висят как белые усы.

Искрится каждая застёжка
На шубке и на сапожке,
Стежков серебряных дорожка
Блестит на каждом пояске.

И в этих сказочных нарядах,
Над переливами снегов,
Взгрустнув, зима с печальным взглядом
Кривой свой посох достаёт.

Взмахнёт лишь раз – повеселеет.
Кружат снежинки на ветру
И хороводом между елей
Банты атласные плетут.

Взмахнёт второй – метёт позёмка,
Вихоры стелет по земле,
Зима как будто треплет холку
Полям и тропам в белой мгле.

Взмахнёт ещё – закрутит вьюга,
Исчезнут в белой пелене
И белый лес в атласной шубе,
И белый луг в серебряном ковре.

Сгорают лес в морозном жаре,
Всё в пепле тонет снеговом,
И в ледяном зима угаре
Трясёт сохой над головой.

Вот кудри вьюга распускает,
Клубами белыми дымит
И рогом в небо их вздымает,
И полем вихры закружит.

Рой ледяной засвищет пыли –
И сотни тонких острых жал
В стволов белёсые морщины
Вонзают иглы как кинжал.

Мой лес устал, устала вьюга.
Расправив белые клубы,
Посмотрит, хороша ли шуба,
Тепло ли лесу до весны.

Лес оживёт. Пусть низко солнце,
Пусть очень скоротечны дни –
Покинут норы лисы, волки,
Неспешно выйдут кабаны.

Забарабанит гулко дятел,
И белки высунут носы,
Порхают стаей ярких пятен
В ветвях синицы и щеглы.

Уж солнце держит путь к закату,
Небес темнеет синева.
Прощаясь, лес качнёт мне лапой,
Рассыпав горсти серебра.

Что ж так ветер поёт тоскливо...

Что ж так ветер поёт тоскливо,
И ему уж видать не впервой
На земле, бесконечно любимой,
Как и мне, сатанеть сиротой.

Разбежаться бы, спрыгнуть с обрыва!
Ну, держите меня, глупца!
Что ж ты плачешь, кудрявая ива?
Что ж ты, ветер, так режешь глаза?

В жизни раз пусть откружит красиво
С голубыми глазами душа.
В жизни раз, а потом с обрыва
Вслед за нею сорвусь и я.

Пой же ветер! Ты видишь ладони
Прижимаю пустые к груди.
Невозможно тоску и горе
По земле на ладонях нести.

Ничего уже больше не надо...

Ничего уже больше не надо,
Никого я теперь не жду.
Плачут свечи, мерцают лампы,
Ризы светятся в красном углу.

Сквозь псалмов монотонное чтение
Вьётся дым от оплившей свечи.
И снисходит к душе покоение,
Разъедаая горечь в груди.

Задрожит на губах молитва –
Та, последняя, что за тебя.
«Тихо, тихо, надо смириться,
Отпустить тебя навсегда».

Ангел скорби покорно сложит
За спиной два поникших крыла
И дыханьем коснётся кожи,
Точно острая жалит игла.

И опять я ищу спасения,
Нервно руки сцепив на груди.
Ускользает во тьму просветление,
Чьи-то тихие слышу шаги.

Я не верю, не вижу, но знаю –
Одиночество входит в дом.
Оно вороном чёрным летало
Над железным могильным крестом.

Мы вдвоём замрём пред иконой.
Для двоих дотлевет свеча.
Горько мне, что в мои ладони
Уж не ляжет твоя рука.